

Николай Шторм

МОЙ ШТОРМ,
КОТОРЫЙ ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ

18+

Николай Шторм

**Мой шторм, который
ты не слышишь**

«Автор»

2026

Шторм Н.

Мой шторм, который ты не слышишь / Н. Шторм — «Автор»,
2026

Эта история родилась из простого, но очень сильного чувства – из попытки удержать то, что ускользает. Иногда нам кажется, что самое важное можно сохранить, если крепко держаться, если не отпускать. Но жизнь устроена иначе: многое приходит, чтобы пройти сквозь нас, как ветер сквозь листву, оставляя не следы, а перемены. В этой истории мистика – не про чудеса, а про внимание. Про то, как, когда мы по-настоящему смотрим, мир начинает шептать нам свои узоры, показывать свои грани. Лес, колодец, берег – это не просто места, а состояния души: моменты, когда привычное вдруг становится прозрачным, и сквозь него проступает что-то большее. Я не хотел давать однозначных ответов – потому что у каждого из нас свои берега и свои ветра. Пусть эта история станет для кого-то пространством, где можно выдохнуть, остановиться и прислушаться. К себе. К миру. К тому тихому голосу, который напоминает: даже если что-то ушло, оно не исчезло бесследно – оно стало частью твоего пути.

© Шторм Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Шторм

Мой шторм, который ты не слышишь

Мой шторм, который ты не слышишь

*Сквозь ветер шёл я обречённо
И был тобою обречён.*

Он выходил к морю каждое утро, будто проверял, не исчез ли горизонт. В городе ещё спали, фонари гасли один за другим, а он уже шагал по пустым улицам, чувствуя, как в груди шевелится что-то острое и живое – не боль даже, а память о ней. Не о самой женщине, а о том, как он был с ней связан: её смех, её взгляд, её спокойная уверенность, что мир устроен понятно, по правилам. Он же всегда шёл наперекор этим правилам – и в итоге остался один на один с ветром.

Ветер здесь был не просто погодой. Он был собеседником, который ничего не обещает и не утешает. Иногда казалось, что ветер смеётся – тем самым чистым смехом, который когда-то звучал рядом, а теперь превратился в эхо. И это эхо царапало изнутри, заставляло вздрагивать от случайных звуков, от скрипа веток, от крика чаек.

Раньше он думал, что знает дорогу. Даже если она вела в никуда, он хотя бы верил, что это его путь. Теперь же каждый поворот казался случайным, каждый шаг – попыткой спрятаться от собственных мыслей. Он бродил по лесу, где тишина была плотной, почти осязаемой, и там, среди стволов и теней, ему становилось чуть легче. Лес не спрашивал, куда он идёт, не смеялся, не обещал спасения. Он просто принимал его – усталого, растерянного, но всё ещё идущего.

Однажды он остановился на высоком берегу, где скалы уступами спускались к воде, и увидел, как над волнами кружит буревестник. Птица парила, не тратя лишних движений, будто знала что-то важное о ветре и шторме. Он смотрел на неё и вдруг понял: буревестник не боится бури, потому что буря – его среда. Для него шторм не наказание и не испытание, а просто воздух, в котором нужно уметь держаться.

Эта мысль обожгла его, как глоток холодного воздуха. Может быть, и его «шторм» – не проклятие, а пространство, в котором он должен научиться летать. Не забыть прошлое, не стереть боль, а найти в ней опору. Как хищник, который двигается тише, чтобы услышать дыхание мира, он стал внимательнее к себе, к своим шагам, к тому, как отзывается внутри каждое слово, каждый взгляд на море.

Он всё ещё скучал. Всё ещё иногда закрывал лицо руками и хотел закричать – так, чтобы голос сорвался, чтобы этот крик унёс ветер. Но теперь он знал: крик не должен быть в пустоту. Он должен быть частью пути, как скрип песка под ботинками, как солёные брызги на губах, как тень, которая ложится на тропу и напоминает, что солнце всё-таки есть.

С тех пор он начал вести дневник – не для того, чтобы кому-то его показать, а чтобы не потерять слова. Записывал, как меняется небо, как ветер меняет направление, как лес по утрам пахнет мокрой хвоей и свободой. И в этих записях постепенно проступал новый маршрут – не прямой, не идеальный, но его собственный.

Иногда ему казалось, что она всё ещё где-то рядом – не как призрак, а как внутренний голос, который иногда шепчет: «Ты справишься». Или, наоборот, строго смотрит и говорит: «Не лги себе». И он не лгал. Признавал, что бывает страшно. Признавал, что иногда хочется всё бросить и спрятаться. Но потом снова выходил к морю, смотрел, как волны плещут ему в укор, и понимал: он не обязан быть сильнее шторма. Достаточно быть упрямее. Достаточно просто идти.

И он шёл. Через годы, через сомнения, через дни, когда казалось, что дорога ведёт в тупик. Шёл, потому что знал: даже если она его не слышит, даже если её смех теперь только в памяти, он должен дойти до своего горизонта. И однажды, возможно, этот горизонт станет не границей, а началом чего-то нового.

Часть 1. Предыстория: как всё началось – и как пришла тень

Город просыпался тяжело, будто не хотел расставаться с темнотой. Улицы ещё хранили ночной холод, а воздух был густым от сырости и ожидания дождя. Он выходил из дома на рассвете – не потому, что любил ранние часы, а потому, что в это время город не задавал вопросов. Никто не смотрел на него с любопытством, никто не пытался заговорить. В полупустых трамваях люди сидели, уткнувшись в телефоны, и это было почти что защитой: пока ты смотришь в экран, ты никому ничего не должен.

Он привык к этой тишине. Она была его союзником. Ещё в детстве он понял, что слова часто обманывают, а тишина – никогда. Мама часто говорила: «Ты слишком много думаешь», – и он кивал, потому что спорить не хотелось. Он действительно думал. О том, почему одни люди смеются громко, а другие прячут смех, почему кто-то легко принимает решения, а он часами стоит перед витриной, не в силах выбрать между двумя одинаковыми пачками чая.

В университете он выбрал специальность, которая казалась безопасной: «ничего лишнего, только факты». Но даже факты не спасали от ощущения, что он живёт не своей жизнью. Лекции проходили мимо, семинары превращались в ритуал, а экзамены – в лотерею. Он сдавал, конечно. Получал оценки, кивки преподавателей, короткие «молодец» и «старайся больше». Но внутри всё чаще звучало тихое: «Это не то».

А потом появилась она. Не как гром среди ясного неба, а как случайная встреча в коридоре, когда они одновременно потянулись к одной и той же двери. Он пропустил её вперёд, она улыбнулась – не широко, а так, будто проверяла, заметит ли он. И он заметил. Всё в ней было другим: она не боялась говорить, не боялась ошибаться, не боялась выглядеть смешной. Её смех звучал так, будто мир был устроен правильно, и ей просто повезло это знать.

Они стали гулять по городу, сворачивая в переулки, где не было туристов, где пахло мокрым кирпичом и кофе из маленьких кафе. Она рассказывала истории – про птиц, которые садятся на провода и будто поют, про старушку, которая кормит голубей одной и той же булкой каждый день, про то, как ветер меняет цвет неба. Он слушал и чувствовал, как внутри что-то шевелится, будто просыпается давно забытое чувство – любопытство.

Но вместе с этим приходило и другое – страх. Страх, что он не сможет быть таким же лёгким, таким же свободным. Он ловил себя на том, что подбирает слова, старается говорить интересно, не хочет показаться скучным. А она, кажется, этого не замечала. Или делала вид, что не замечает. Иногда он видел, как её взгляд скользит мимо него, будто она ищет что-то за его плечом – какой-то другой мир, который он не мог ей показать.

Однажды она заговорила о снах. Это случилось поздно вечером, когда город уже почти затих, а фонари на набережной мигали, будто собирались погаснуть навсегда. Она сказала, что ей часто снится один и тот же берег – не городской, не знакомый, а будто из другого времени. Там песок был чёрным, как уголь, а волны – густыми, словно масляными. И на этом берегу всегда стоял кто-то, кого она не могла разглядеть: фигура в длинном плаще, с опущенным капюшоном. «Он не делает ничего плохого, – тихо сказала она, глядя на воду. – Просто стоит и ждёт. И я каждый раз просыпаюсь с чувством, что опоздала».

Он тогда улыбнулся, чтобы скрыть неловкость, и сказал что-то вроде: «Наверное, это просто усталость». Но она посмотрела на него так, будто знала, что он не верит, и всё равно хотела, чтобы он её выслушал. «Иногда мне кажется, – прошептала она, – что этот берег – не сон. Что он где-то есть. И что если я туда дойду, всё станет понятно».

С тех пор он начал замечать странности. В отражениях витрин её силуэт иногда будто двоился – на долю секунды, так, что можно было списать на игру света. В кафе, куда они заходили, официанты иногда смотрели на неё так, будто узнавали, хотя она клялась, что никогда здесь не была. Однажды, когда они шли по мосту, ветер вдруг стих, и на несколько мгновений город стал неестественно тихим – такой тишиной, в которой слышно, как бьётся собственное сердце. И в этой тишине он услышал, как она тихо прошептала: «Он снова здесь». Он обернулся, но рядом никого не было.

Их отношения были как лодка без вёсел: её несло течением, а он пытался держаться за борт. Он дарил ей цветы, которые казались ему красивыми, но она морщилась: «Они пахнут старостью». Он водил её в места, которые считал особенными, но она пожимала плечами: «Здесь слишком много людей». Он старался, изо всех сил старался быть тем, кого она хотела видеть, но чем больше старался, тем дальше она уходила.

Потом она начала пропадать на целые дни. Говорила, что гуляет, что ищет тот самый берег из сна, но он не знал, верить ли ей. Он пытался следить за ней незаметно, шёл по пятам, прячась за углами, и каждый раз, когда терял её из виду, ему становилось не по себе. Однажды он увидел, как она остановилась у старого дома на окраине, где окна были забиты досками, и долго смотрела на тёмный проём двери. Потом она вошла внутрь – и исчезла. Он подбежал, распахнул дверь, но внутри была только пыль, паутина и тишина.

После этого она вернулась, но стала другой. В её взгляде появилась отрешённость, будто она видела что-то, чего не мог видеть он. Она говорила о ветре так, словно он был живым существом, которое шепчет ей на ухо. «Он зовёт меня, – сказала она однажды. – И я не могу не идти». Он пытался удержать её, говорил, что это просто усталость, что нужно отдохнуть, но она только качала головой: «Ты не слышишь его. А я слышу».

Однажды она сказала: «Я не могу быть твоим спасением. Я даже своё не нашла». Эти слова ударили его сильнее, чем крик, сильнее, чем упрёк. В них не было злости, только усталость – её усталость от его ожиданий, от его попыток удержать то, что никогда не принадлежало ему.

После этого он перестал звонить. Сначала думал, что это временно, что нужно просто дать ей пространство. Потом понял, что пространство нужно ему самому. Город снова стал тихим, но теперь эта тишина была другой – не союзником, а свидетелем его поражения. Он продолжал ходить на работу, пить кофе в тех же кафе, сворачивать в те же переулки. Но теперь всё казалось пустым, будто декорации остались, а актёры ушли.

И тогда он начал уходить из города. Сначала это были короткие прогулки за окраину, где дома становились реже, а деревья – выше. Потом – целые дни в лесу, где тишина была настоящей, не городской. Там не нужно было подбирать слова, не нужно было казаться интересным. Там ветер говорил за него, а птицы пели вместо него. Он научился слушать эту тишину, научился чувствовать, как она заполняет пустоту внутри.

Именно там, среди стволов и теней, он впервые понял, что одиночество – это не всегда наказание. Иногда это просто место, где можно услышать себя. И хотя боль не ушла, она стала тише, перестала кричать и начала шептать. Он всё ещё думал о ней, всё ещё вспоминал её смех, её взгляд, её слова. Но теперь эти воспоминания не разрывали его изнутри, а лежали где-то глубоко, как старые письма, которые иногда достаёшь, чтобы перечитать, но не чтобы плакать.

Так начался его путь – не к ней, а от неё. Не в поисках нового счастья, а в попытке найти хоть что-то своё, хоть какой-то смысл в том, как он жил. И пусть пока этот смысл был неясным, пусть пока он просто шагал по лесной тропе, вдыхая запах хвои и чувствуя, как ветер треплет волосы, – это уже было началом. Началом того, что позже станет его дорогой.

Часть 2. Середина: сквозь забвенье и шторм – и зов берега

Лес теперь не просто принимал его – он будто запоминал каждый его шаг. Тропы, которые раньше казались случайными, постепенно складывались в какой-то узор: если представить, что смотришь на них сверху, они напоминали линии на старинной карте – не про расстояния, а про пути, по которым ходят те, кто ищет ответы. Он не знал, кто их проложил, но чувствовал, что идёт не первым. Иногда на влажной земле оставались следы – не его, не звериные, а будто от ботинок, которые ступали легко, почти не вдавливаясь в почву. Он старался не думать об этом, убеждал себя, что это просто игра теней и дождя. Но внутри всё равно шевелился холодок – тот самый, который появляется, когда ты понимаешь: ты не единственный, кто здесь бывает.

Он стал замечать, что время в лесу течёт иначе. Час мог растянуться, как резинка, и вместить в себя целую жизнь: рассвет, который длился вдвое дольше обычного, тишину, в которой слышно, как растёт мох, и ветер, который шептал не просто «шу-шу», а будто пытался сложить слова. И однажды он почти разобрал одно – её имя. Тихо, сбоку, из-за ствола старой ели – не голос, а как будто эхо, которое решило задержаться. Он резко обернулся, но там никого не было.

Только птица сорвалась с ветки и улетела, будто испугалась собственной тени.

Дневник теперь был не просто про природу. Он начал записывать и эти странности – коротко, без пафоса, чтобы не сойти с ума от собственных мыслей. «Следы не мои», «Ветер будто произносит имя», «Тени складываются в фигуры». И рядом – обычные вещи, чтобы уравновесить: «Нашёл гриб, похожий на седой парик», «Паук сплел сеть между двумя травинками – идеальная геометрия», «Роса на листьях дрожит, как стекло перед ударом». Эти простые строки помогали ему держаться за реальность.

Город тем временем будто выталкивал его из себя. На работе всё шло как обычно: письма, встречи, кофе из автомата, который каждый раз давал чуть более горький глоток, чем хотелось. Но теперь всё это казалось декорациями, которые вот-вот рухнут. Коллеги говорили привычные фразы, но их голоса звучали так, будто доносились сквозь толстое стекло. Он кивал, отвечал, улыбался там, где нужно, но чувствовал себя гостем в чужой пьесе – вежливым, но лишним.

Однажды он вернулся домой и увидел, что на почтовом ящике – тонкий слой пыли, хотя он протирал его утром. Он замер, глядя на эту пыль, и вдруг понял: она лежала не ровным слоем, а будто её кто-то тронул – в одном месте была вмятина, похожая на отпечаток пальца, но слишком лёгкая, чтобы быть настоящей. Он провёл по ней пальцем, и пыль рассыпалась, обнажив под собой тёмное пятно, похожее на след от капли воды... или чего-то ещё. Он не стал думать, что это. Просто вытер ящик тряпкой и пошёл в квартиру, стараясь не оглядываться.

Но ночью он проснулся от звука, которого не должно было быть: тихий скрежет, будто кто-то водил ногтем по стеклу балкона. Он сел на кровати, вслушиваясь, и понял, что звук идёт не снаружи, а будто из самой стены – как будто дом шептал что-то на своём, каменном языке. Он встал, подошёл к окну и увидел, что луна висит слишком низко, почти касаясь крыш, и свет её был не серебристым, а желтоватым, как у старой лампочки. И на фоне этого света мелькнула тень – не человеческая, слишком вытянутая, будто сотканная из дыма. Она скользнула по карнизу и исчезла в щели между домами.

Утром он убеждал себя, что это был сон. Что луна всегда кажется странной, когда ты только что проснулся, а тени – просто игра света. Но в кармане куртки он нашёл горсть мелких камешков – гладких, чёрных, похожих на гальку с того самого чёрного берега из её снов. Он не помнил, как положил их туда. Не помнил даже, чтобы вообще подходил к берегу в последнее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.